

Только когда раздался оглушительный звук захлопнувшейся двери, Юй Цянь словно очнулась. Не обращая внимания на свой внешний вид, она, рыдая, подползла к Цзян Дунгэ и, нежно прикоснувшись к его лицу, спросила:

— Больно? Больно ли тебе? Зачем ты с ним спорил?

Цзян Дунгэ откинул голову назад, без выражения лица встал, поднял рюкзак у входа и, опустив голову, вернулся в свою комнату.

В ту ночь отец не вернулся.

На следующее утро Юй Цянь, как обычно, рано встала, чтобы приготовить завтрак для Цзян Дунгэ. За завтраком, сидя напротив, она не могла не украдкой смотреть на него.

Мальчики более выносливы. После вчерашнего удара на лице Цзян Дунгэ не было ни малейшего следа, напротив, в утреннем свете он выглядел еще красивее.

Лицо Юй Цянь снова покраснело.

Цзян Дунгэ всегда знал о таком поведении мачехи, но никогда не упрекал её. Закончив кашу, он вернулся в комнату и принес аптечку.

Юй Цянь сразу поняла, что он собирается делать. Она с некоторой тревогой сказала:

— Тебе не нужно этим заниматься. Лучше иди учиться, в выпускном классе опаздывать нельзя.

Цзян Дунгэ ничего не ответил. Открыв аптечку, он взял Юй Цянь за руку и, аккуратно отодвинув её волосы, обнажил место, скрытое челкой и прядями.

Там, под волосами, были синяки и кровоподтеки.

Цзян Дунгэ затем оттянул рукав на руке Юй Цянь.

То же самое ужасное зрелище.

Такие раны вызвали бы жалость у любого, кто их увидел, не говоря уже о Цзян Дунгэ. Он глубоко вздохнул, затем наклонился и с необычайной ловкостью начал обрабатывать раны.

Закончив с этим, он, убирая аптечку, впервые заговорил первым:

— В детстве мою маму тоже часто так избивали.

Юй Цянь, взволнованная, с трудом проглотила слюну и ответила:

— По... поэтому ты так умело обрабатываешь раны.

Цзян Дунгэ впервые улыбнулся ей:

— Да, я научился на своей маме.

Эта улыбка сбила Юй Цянь с толку.

Однако это не было его намерением. Прежде чем взять рюкзак и уйти в школу, Цзян Дунгэ обернулся и сказал:

— Я советую тебе развестись с отцом. Ему безопаснее быть одиноким стариком.

Отец действительно был безопаснее в одиночестве.

Ян Хун сделала глоток воды и спросила:

— Так ты действительно случайно убила его, когда он тебя избивал?

Юй Цянь кивнула.

— После убийства я очень испугалась и убежала. Я узнала об этом только из новостей...

— В какой день недели это произошло?

— В пятницу, в пять тридцать вечера. Дунгэ как раз не было на вечерних занятиях, он, должно быть, вернулся сразу после того, как я убежала, и попал на место преступления. Потому что они с отцом только что поссорились у входа в дом, вероятно, поэтому полиция...

— Я поняла, — кивнув, Ян Хун аккуратно записала всё услышанное в блокнот и, прежде чем уйти, поклонилась Юй Цянь.

Юй Цянь, прижав ладони к стеклу, увидев, как Ян Хун встает, снова схватила трубку.

Ей нужно было что-то сказать.

Ян Хун, увидев её взгляд, всё же подняла трубку.

Юй Цянь, всхлипнув, произнесла:

— Товарищ журналист, если состояние Дунгэ улучшится, не могли бы вы снова сообщить мне?

Ян Хун, глядя на эту женщину, не могла не вздохнуть в душе:

— Я вернусь.

Выйдя из женской тюрьмы, Ян Хун шла по дороге и невольно закурила сигарету.

Наверное, учителя в школе даже не предполагали, что такой выдающийся ученик, как Цзян Дунгэ, вырос в таких условиях.

— Домашнее насилие, потеря матери... С такими переживаниями он всё же не сбился с пути. Цзян Дунгэ действительно необыкновенный.

В тот вечер Ян Хун вручную написала несколько страниц новостной статьи.

Чтобы сделать материал более подробным, на следующий день она снова пришла в полицию.

Она попросила ознакомиться с протоколами допросов Цзян Дунгэ.

Полиция, по неизвестной причине, согласилась. Однако, просмотрев протоколы, Ян Хун снова обнаружила проблему.

Она нашла полицейского, который её принимал, и с недоумением спросила:

— Кто такой Чэнь Сяоцань? В протоколе сказано, что Цзян Дунгэ вернулся домой в семь

вечера, а в половине шестого он был с Чэнь Сяоцань.

Полицейский взглянул и объяснил:

— Чэнь Сяоцань — одноклассник Цзян Дунгэ. Он действительно так сказал.

— Вы не допрашивали Чэнь Сяоцань? Если Цзян Дунгэ говорит правду, то у него есть алиби.

— Мы, конечно, спрашивали Чэнь Сяоцань, но... — полицейский покачал головой и вздохнул. — Она сказала, что в тот день вообще не видела Цзян Дунгэ. Именно поэтому, без других свидетелей и с опровержением показаний Чэнь Сяоцань, Цзян Дунгэ стал подозреваемым.

— Так кто же тогда солгал?

— Перед вторым слушанием Цзян Дунгэ заболел аутизмом и больше не мог говорить; а Чэнь Сяоцань к тому времени уже уехала учиться в другой город, и мы полностью потеряли с ней связь. Поэтому даже сейчас мы не можем выяснить, кто солгал.

Ян Хун сжала губы, нахмурившись:

— Родители Чэнь Сяоцань тоже не знают?

Полицейский усмехнулся:

— С тех пор как она уехала учиться, она не возвращалась. Родители, одноклассники, учителя — никто не знает её аккаунтов в социальных сетях или телефона. Кроме того, она не является подозреваемым в этом деле, поэтому нам нет необходимости использовать другие методы для её поиска. Так что дело просто заглохло.

Ян Хун думала иначе. Она разозлилась:

— Тогда я найду её сама.

Полицейский удивился:

— Дело уже закрыто, зачем тебе её искать?

— Чтобы спросить об этом! — Ян Хун постучала по протоколу. — Если Цзян Дунгэ говорит правду, то Чэнь Сяоцань, солгавшая, и есть тот, кто действительно его погубил. Цзян Дунгэ не заслуживал этого.

Полицейский кивнул:

— Ты права.

Ян Хун, проводя пальцем по имени «Цзян Дунгэ» на протоколе, вздохнула:

— Я не только расскажу о деле Цзян Дунгэ в нашем журнале, но и использую силу интернета, чтобы рассказать обществу, всем людям, что они все ошибались насчет Цзян Дунгэ! Когда всё станет ясно, я соберу пожертвования от имени Цзян Дунгэ, чтобы этот талантливый парень смог получить лучшее лечение за границей. Если его вылечат...

Полицейский продолжил за неё, с теплотой в глазах:

— Тогда многие будут тебе благодарны.

— Я не ишу благодарности, — Ян Хун подняла голову и усмехнулась. — Я тоже ошибалась насчет Цзян Дунгэ, это будет моим извинением. Этот парень действительно заслуживает жалости.

Почему столько несчастий должно было обрушиться на этого ребенка?

Ян Хун подняла глаза и медленно посмотрела в окно. Камера постепенно переключилась на комнату Цзян Дунгэ в психиатрической больнице.

Сюй Лин вытирала грязные руки Цзян Дунгэ.

Она говорила:

— Я же говорила, если кто-то тебя обижает, плачь или зови меня.

Цзян Дунгэ молчал, опустив голову.

Сюй Лин, глядя на его по-детски чистое лицо, снова почувствовала, как глаза наполняются слезами.

Когда она училась в старшей школе, она могла только издалека наблюдать за ним, но это её устраивало. Но сейчас...

— Цзян Дунгэ, скажи что-нибудь, пожалуйста. Посмотри на меня, я — Сюй Лин из класса 3-8, мы с тобой танцевали на уроках танцев в первом классе, ты помнишь меня?

Цзян Дунгэ не только не говорил, но даже не шевелил глазами.

Он был словно фарфоровая кукла в витрине.

Сюй Лин больше не могла сдерживаться, она заплакала и обняла его.

После того как Сюй Лин немного успокоилась, в дверь постучали.

Испуганная, она перестала плакать, вытерла слезы и, придерживая нос, чтобы не потекло, открыла дверь:

— Кто там? Сейчас же не время для посетителей.

Камера не показала лицо посетителя, вместо этого крупным планом были показаны её каштановые кудри и цветы в руках.

Сюй Лин удивилась:

— Ты пришла? В этом году так рано на каникулы?

<http://bllate.org/book/16554/1510776>